

© 2008 г.

В.Л. МАЛЬКОВ

ИЗ ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ Р. ШЕРВУДА

Известный американский писатель, драматург и журналист Роберт Эммет Шервуд своей необычайно популярной книгой "Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца" обеспечил себе особое место в американской исторической литературе, хотя в обзорах результатов исследований за соответствующий отрезок времени она может и не значиться вообще. Придирчивый суд академических авторов имеет обыкновение выносить за скобки "нормативной" историографии первое и последнее сочинение Шервуда из разряда "нонфикшн", т.е. написанное в научно-аналитическом ключе, без примеси художественного вымысла и мифотворчества. Тем не менее самые ригористически настроенные хранители академических традиций вынуждены признать, что завоевавшая мировую известность, переведенная на многие языки, созданная в синтетическом жанре историко-документальных биографий книга Шервуда и по сию пору сохраняет свою огромную ценность как превосходный первоисточник для всех изучающих как историю США в бурные годы "эры Рузвельта", так и историю Второй мировой войны.

Изданная в момент острейшего обострения советско-американских отношений (первое издание книги вышло в 1948 г.), книга Шервуда была революционной для своего времени и остается удивительно современной и в наши дни. Трудно найти подходящий аналог этому неординарному жизнеописанию двух выдающихся американских политиков XX в. Можно было бы без преувеличения сказать что это классический труд. Шервуд достиг поставленной цели сочетанием твердого (несмотря на все политические и профессиональные трудности и риски) стремления к предельной достоверности, правдивости в анализе сложнейших процессов сложнейшего времени (постверсальский мировой порядок, Великая депрессия, Вторая мировая война, переход к миру, первые "залпы" "холодной войны") и пронизательности большого писателя, жившего рядом со своими героями и писавшего их портреты "с натуры". Можно еще сказать, что книга Шервуда принадлежит к биографиям того особого вида, в которых, строго говоря, не ставится точка в связи с уходом из жизни главных героев, а все как бы прерывается на короткой авторской ремарке – "продолжение следует". Это станет понятным, если принять во внимание, что книга завершается коротким эпилогом, которым перебрасывается мост от войны к миру с его грузом нерешенных проблем, и что значительную часть исходных материалов для своей книги Шервуд черпал из интервью и переписки с десятками политиков, государственных и общественных деятелей, ученых, журналистов, родных и близких Рузвельта и Гопкинса, многие из которых долго после выхода книги не уходили с политической арены или сами становились мемуаристами. Среди них – У. Черчилль, Г. Трумэн, А. Иден, Э. Стеттиниус, В. Буш, Б. Барух, С. Уэллес, А. Маклиш, Дж. Конант, У. Липпман, Л. Штейнгардт, А. М. Шлезингер-мл. и многие другие. Это обстоятельство налагало особую ответственность на автора, требовало от него особой тщательности в изложении тех или иных эпизодов, проверки и перепроверки фактов, критики документальных источников и более всего укрощения типичной для

Мальков Виктор Леонидович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

мемуариста тяги к переоценке своего собственного "я", а также стремления угодить издателю или вкусам читателя.

Между тем Шервуд при всех его талантах и наблюдательности не имел опыта профессионального историка, хотя сама история сделала его своим свидетелем, хранителем секретов и летописцем. Еще с юношеских лет его всегда влекло к короткому, хотя и социальномотивированному репортажу с осмыслением внутренних связей происходящего, тем паче, что само его рождение (4 апреля 1896 г.) сделало его очевидцем и участником многих драматических и трагических событий, формировавших мировоззренческий базис того поколения молодых американцев, которым предстояло пережить бурный период "прогрессивной эры", участвовать в Великой войне, а затем еще и испытать на себе тяготы Великой депрессии 1929–1938 гг. Его учеба в колледже была прервана в 1917 г., когда он вступил в армию, чтобы сражаться против воинства кайзера в Европе. Вернувшись с войны Шервуд продолжает учебу в Гарвардском университете, по окончании которого становится театральным и литературным критиком во многих нью-йоркских изданиях. Очень скоро он приобретает известность и как ведущий ценитель сценического искусства (в том числе и в его киноверсии), и как редактор. Дерзнув испытать судьбу писателя, Шервуд становится автором разножанровых драматургических произведений, в которых, однако, была четко обозначена жизненная позиция автора – связь с традицией "разгребателей грязи", неприятие войны, критический настрой в отношении дегуманизации общества, зараженного жадной успехом и равнодушного к судьбе простых и незаметных людей. Как писал собрат Шервуда по перу Скотт Фицджеральд, цинизм и черствость людей эпохи "процветания" привела их самих к убеждению, "что все боги умерли, войны отгрели, всякая вера подорвана"¹.

Своими многочисленными драматическими произведениями, передающими новое мироощущение неудовлетворенности и близости перемен, Шервуд вошел в замечательную плеяду литераторов Америки межвоенного периода, певцов "потерянного поколения", ставших гордостью литературной истории страны². А это – Эрнест Хемингуэй, Уильям Фолкнер, Скотт Фицджеральд, Теодор Драйзер, Томас Вулф, Эптон Синклер, Роберт Шервуд. В 30-х годах творчество Шервуда становится в еще большей мере окрашено антивоенными, антифашистскими и социально критическими настроениями. В нем выражена была и надежда, что появление Советского Союза на мировой арене даст импульс к созданию лучшего, более справедливого миропорядка. В 1936 г. за пьесу "Восторг идиота", ярко отобразившую кризис либерального прекрасноразумия перед лицом brutального фашизма, Шервуд получает свою первую Пулитцеровскую премию по литературе. Его следующим большим успехом была пьеса "Авраам Линкольн в Иллинойсе" (1938), проецирующая на тогдашнюю Америку трагическую дилемму шестнадцатого президента США. Двойственность мышления и политической линии нового американского политического класса, представленного рузвельтовской администрацией, воплощавшей желание противостоять фашизму и попытки достичь приемлемого компромисса с ним, остаться вне или оттянуть участие в "европейском конфликте" – подвигла Шервуда на исследование природы этой драмы политического оппортунизма методом психоанализа с обращением к еще не забытому американцами тяжелому прошлому. За пьесу о преображении пацифиста и "умиротворителя" в воинствующего защитника конституции и единства нации Шервуд был вторично удостоен Пулитцеровской премии.

В период президентской кампании 1940 г. (для демократа Франклина Рузвельта это была борьба за третий срок) Шервуд был привлечен ближайшим советником президента Гарри Гопкинсом к участию в подготовке речей и выступлений Рузвельта³. Первой

¹ Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби. Ночь нежна. М., 1989, с. 6.

² См. *Shuman R.B.* Robert E. Sherwood. New York, 1964; *Brown J.M.* The World of Robert E. Sherwood. *Mirror to His Times*, 1896–1939. New York, 1967.

³ См. *Adams H.H.* Harry Hopkins. A Biography. New York, 1977, p. 183–184; *McJimsey G.* Harry Hopkins. *Ally of the Poor and Defender of Democracy*. Cambridge (Mass.), 1987.

предложенной темой для совместного обдумывания Рузвельтом была названа угроза цивилизации со стороны нацизма. Шервуда не пришлось уговаривать. Так сложилось важнейшее звено рузвельтовских "спичрайтеров" – Г. Гопкинс, С. Розенман и Р. Шервуд. Последний также исполнял обязанности литературного советника Белого дома. С этого момента началось тесное общение Шервуда с Рузвельтом и людьми из его ближайшего окружения, образовавшими малый кабинет в администрации президента-реформатора. 1940 год стал для Шервуда знаменательным и тем, что снятый Голливудом по мотивам его пьесы фильм "Мост Ватерлоо" имел ошеломляющий успех и обрел почти мгновенно мировую популярность.

После начала Второй мировой войны Шервуд, оставаясь "своим" человеком в Белом доме, участвует в создании многих важных правительственных документов. Например, знаменитый Экономический билль о правах 1944 г. – один из важнейших проектов позднего "нового курса" был обнародован Рузвельтом в той редакции, к которой приложил свою руку Шервуд. Война вновь заставила Шервуда почувствовать себя мобилизованным. Он идет служить в разведку "под начало" У. Донована, а затем становится одним из руководителей Управления военной информации, фактически дублера Управления стратегических служб (внешняя разведка) со специфическими функциями поиска и поддержки проводников политического влияния США за рубежом, пропаганды американской модели. Работая на этих должностях, Шервуд получил возможность активно общаться со многими дипломатами, военными, учеными, правительственными чиновниками, а также наблюдать за процедурой подготовки и принятия президентом и его ближайшими помощниками важных решений, за внутренней кухней проведения межсоюзнических встреч на высшем уровне, дипломатических и военных контактов.

Воспитанный на эпосе "разгребателей грязи" и никогда не порывавший с леволиберальными убеждениями Шервуд более всего дорожил своей дружбой и доверительными отношениями с Гопкинсом. Их сблизило сходство взглядов на происходящее и будущее страны и мира. В глазах Шервуда Гопкинс сильнее всех остальных "нюдиллеров" выражал своей деятельностью и личностью неравнодушие к нуждам простых людей, активный антифашизм и убеждение в необходимости сохранять отношения сотрудничества с Советским Союзом в мировых делах. Никого не удивило, что после смерти Гопкинса (29 января 1946 г.) Роберт Шервуд оказался главным распорядителем его богатейшего архива, собрания личных бумаг, которые Гопкинс собирался использовать для написания книги о своей деятельности на различных постах в администрации Рузвельта. ("История моей жизни – часть большой истории жизни Рузвельта", – говорил он). Не теряя времени и чувствуя себя обязанным отдать дань уважения человеку, с именем которого были связаны многие достижения "нового курса", Шервуд взялся за осуществление замысла Гопкинса. Когда книга вышла первым изданием, она мгновенно стала бестселлером. В 1949 г. Шервуд был удостоен сразу двух премий – Пулитцеровской и премии Бэнкрофта за выдающийся вклад в историческую науку.

И все же трудно было выбрать более неблагоприятное время для издания книги, чем первые послевоенные годы. Протомаккартизм – так можно было бы назвать возникший в американском обществе климат, поделивший общество на консервативно-имперское большинство и леволиберальное меньшинство. Требовалось большое мужество для того, чтобы пойти против изменявшихся общественных настроений, – что было следствием напряженности в советско-американских отношениях и результатом той огульной критики, которой подвергся внутривластный и в особенности внешнеполитический курс администрации Рузвельта со стороны консервативной печати и оппозиции в Конгрессе. Внутри новой администрации Трумэна также не было единства, в особенности в оценке опыта сотрудничества с Советским Союзом и в отношении его продолжения. После атомного скандала, последовавшего вслед за арестом целой группы лиц, причастных к "Манхэттенскому проекту", и речи Черчилля в Фултоне (март 1946 г.) усилились нападки на Ялтинские соглашения вместе с откровенными попытками "демонизации" Гопкинса и даже увязывания его имени с уткой "американских секретов". Страну буквально накрыла волна мифотворчества, объяснявшего физической и

интеллектуальной немощью Рузвельта "уступки" Сталину, а интригами Гопкинса – эрозию конституционных устоев страны.

Свое несогласие и возмущение искажениями политической истории США в предвоенное десятилетие и в период Второй мировой войны Шервуд выразил в переписке со многими видными политиками, дипломатами и военными, которую он вел в процессе подготовки книги и после выхода ее в свет. Это неформальное общение посредством обмена письмами, интервью, выступлений, письменных опросов было очень ценным дополнением к проштудированному им "от корки до корки" массиву бумаг Гопкинса, переданных на бессрочное хранение в Библиотеку Рузвельта в Гайд Парке ("Коллекция Р. Шервуда"). Но личный архив Шервуда, отражающий богатое эпистолярное наследие драматурга, особенности его творческой лаборатории, а также размышления в связи с разворачивавшейся в стране дискуссией, депонирован в Библиотеке Гарвардского университета⁴. В отдельных случаях можно было бы назвать их "заметками на полях". Некоторые материалы из этой коллекции, публикуемые ниже, представляют, думается, немалый исторический интерес, хотя в большинстве случаев они предназначены были для "внутреннего пользования" и служили набросками каких-то будущих умозаключений.

Главное же – в приводимых фрагментах из переписки Шервуда затронут весьма широкий спектр больших тем, волновавших в ту пору (и, как мы видим, и по сей день волнующих мировую общественность) и служивших предметом жарких и бескомпромиссных дискуссий, споров, конфликтов. Позиция Рузвельта в "русском вопросе", "формула безоговорочной капитуляции" Германии и Японии, Ялтинская конференция и ее решения, начало атомного проекта, миссия Гопкинса в Москву в июле 1941 г., оценка политического наследия "Большой тройки" идущими на смену друг другу поколениями и многое другое – вот далеко не полный перечень сюжетов, затронутых в этих фрагментах и коротких заметках. Уже только поэтому читатель найдет, мы надеемся, небезполезным, а может быть и неожиданно нетривиальным знакомство с суждениями Шервуда, его полемическими высказываниями и просто вопросами к самому себе.

Автор публикации выражает глубокую признательность профессору В.О. Печатнову за любезно предоставленные в распоряжение автора письмо Чарльза Болен Р. Шервуду от 8 июля 1948 г. и ответ Р. Шервуда Ч. Болену от 13 июля 1948 г., хранящиеся в бумагах Болен (Национальный архив США, Вашингтон)⁵.

* * *

АРЧИБАЛЬД МАКЛИШ⁶ – РОБЕРТУ Э. ШЕРВУДУ

19 октября 1944 г.⁷

...[Противники Рузвельта говорят, что] немцы сражаются отчаянно, поскольку они чувствуют, что условия мира, которые мы им предложим, окажутся слишком тяжелы-

⁴ Robert Emmet Sherwood Papers. Houghton Library. Harvard University, Cambridge (Mass.).

⁵ National Archives of the USA. RG59. Records of Ch. E. Bohlen, 1942–1952. General Correspondence. Box 1A. Charles E. Bohlen to Robert E. Sherwood. July 8, 1948; Robert E. Sherwood to Charles E. Bohlen. July 13, 1948.

⁶ *Маклиш Арчибальд* (1892–1982) – друг семьи Рузвельтов, поэт, публицист. Участник Первой мировой войны. В 1939–1944 гг. занимал пост директора Библиотеки Конгресса. В 1940–1945 гг. помощник государственного секретаря США. Принимал активное участие в создании ЮНЕСКО. Трижды был удостоен Пулитцеровской премии. Автор книги об Элеоноре Рузвельт.

⁷ В ходе напряженной и драматически развивавшейся избирательной кампании по выборам президента в 1944 г. республиканская оппозиция стремилась подвергнуть критике различные стороны, как ей представлялось, "некомпетентного" военного руководства Рузвельта. Изоляционистское течение в республиканской партии, сохранявшее серьезное влияние среди избирателей, использовало, в частности, в качестве предлога сформулированное им требование о безоговорочной капитуляции Германии, выдвинутое им совместно с Черчиллем на встрече в Касабланке в 1943 г. Противники этого решительного шага утверждали, что он только подогревает фанатизм нацистов, их желание сражаться "до конца" и т.д.

ми. Если мы хотим заставить их отказаться от того, чтобы сражаться "до последнего" и таким образом сохранить жизни наших парней, то нам следует сделать условия мира более приемлемыми для немцев. Конечно, это ничто иное, как завуалированная агитация за мягкий мир. Мягкий мир – это как раз то, чего хотят ненавидящие русских изоляционисты, толстосумы, католические политиканы, Франко, это то, чего хотят все враги демократии.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – РОБЕРТУ П. ПАТТЕРСОНУ⁸

27 декабря 1945 г.

...Мне кажется, что есть один обнадеживающий элемент в настоящей критической ситуации. Я полагаю, сейчас существует несравнимо больше уверенности в том, что происходит, и больше обеспокоенности в отношении всего этого, чем в дни, последовавшие за окончанием Первой мировой войны. Я верю – возможно, излишне оптимистично, – что общественное мнение склоняется к тому, чтобы дать отпор безумству возрождающихся изоляционистов⁹ и непримиримых ненавистников Рузвельта, которые готовы с радостью пожертвовать безопасностью страны и даже ее священным достоинством, если, поступая таким образом, они смогут бросить тень на итоги деятельности рузвельтовской администрации.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – АНТОНИ ИДЕНУ

21 августа 1946 г.¹⁰

1. Каким было отношение британского правительства к часто повторяющимся заявлениям Рузвельта о создании (после войны) военных баз Объединенных Наций в таких стратегически важных пунктах как Бизерта, Дакар, Формоза и т.д.?

2. Обсуждал ли Иден с Гарри¹¹ текущие конфликты в связи с программой "Сплавы для труб"?¹²

3. Во время конференции в Сан-Франциско¹³ м-р Иден провел неофициальную пресс-конференцию, вызвавшую большой интерес Гарри Гопкинса. М-р Иден, как сообщали, говорил, что ухудшение отношений с Советским Союзом после Крымской конференции, возможно, было связано с внутренним положением Советского Союза – Сталин-де вынужден был согласиться с волей Политбюро – и что некоторые советские военачальники в это время обрели исключительно большое политическое влияние. Соответствует ли это тому, о чем говорил Иден?

---

⁸ Паттерсон Роберт (1891–1952) – государственный деятель США, один из руководителей военной политики США. Участник Первой мировой войны. До Второй мировой войны получил известность в качестве корпоративного юриста и федерального судьи. В годы войны являлся правой рукой Генри Стимсона по руководству военным министерством. После отставки последнего осенью 1945 г. возглавил это ведомство, но уже в 1946 г. вышел в отставку.

⁹ Возрождение изоляционистского движения в США после Второй мировой войны рассматривалось многими общественными деятелями как реальная угроза отхода от интернационалистской внешней политики Рузвельта. В нем видели первый шаг к ревизии всех принятых союзниками в ходе войны решений. Существовали опасения, что Рузвельту уготована судьба президента Вудро Вильсона, чьи идеи и решения были отвергнуты большинством американцев.

¹⁰ В связи с работой над книгой "Рузвельт и Гопкинс" Шервуд направил бывшему министру иностранных дел Великобритании А. Идену "опросный лист". Он включал и приводившиеся выше вопросы:

¹¹ Гопкинсом.

¹² Программа создания атомного оружия.

¹³ Речь идет о конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) с целью учреждения международной организации поддержания мира и безопасности.

16 сентября 1946 г.

После возвращения из Тегерана Гопкинс сказал мне, что президент Рузвельт был чрезвычайно удивлен, узнав, как плохо Сталин был информирован о политической ситуации в США... Но эта форма правительственного самогипноза свойственна не только Москве. Наш собственный государственный департамент, в котором всегда были сильные настроения ксенофобии, с нескрываемой подозрительностью будет относиться к любому американскому представителю в Москве, чьи послания окажутся неизменно благожелательными по отношению к Советскому Союзу, то же следует сказать и о любом американском представителе в Лондоне, который обнаруживает признаки англофильства.

ИНТЕРВЬЮ С ВАННЕВАРОМ БУШЕМ¹⁴

31 октября 1946 г.

...Не нужно особых пояснений для того, чтобы понять, почему Гарри Гопкинс увидел в д-ре Буше человека, к которому он был всецело расположен и к кому он мог отнестись с полным доверием с тем, чтобы дело шло полным ходом. Энергичный и проницательный, логически мыслящий, порывистый и страстный в устных выступлениях, обладавший взрывным характером, но мудрый в обращении с людьми д-р Буш вне всяких сомнений полностью отвечал представлениям Гопкинса о человеке действия...

Во время "странной войны" д-р Буш, президент¹⁵ Конант¹⁶ и другие ученые обсуждали друг с другом тему надвигающейся опасности. Они знали, что Германия опережала нас в совершенствовании боевого оружия, и были уверены, что Гитлер в будущем использует это свое преимущество в военной силе против нас. Д-р Буш присутствовал на одном из выступлений Чарлза Линдберга¹⁷, которое серьезнейшим образом обострило его чувство тревоги. Нацисты предоставили Линдбергу доступ ко всем секретам их военно-воздушных сил. Линдберг с его изощренным техническим умом усвоил всю доступную ему информацию, и это в определенном смысле имело огромную ценность для развития наших собственных военно-воздушных сил. Цель, которую преследовали нацисты, передавая ему такой объем секретной информации, находилась в полном соответствии с их обычной пропагандистской технологией: они хотели напугать Линдберга и тем самым убедить его, что сопротивляться "Волне будущего" бесполезно. И в случае с Линдбергом они добились своего. Однако результат зловещей осведомленности Линдберга обернулся страстным желанием д-ра Буша действовать. И нельзя было не видеть, какой обратный эффект произвела эта адресная нацистская пропаганда. И в самом деле, все это полностью соответствовало тезису о том, что нацистская стратегия террора, которая оказалась столь ужасающе эффективной во Франции и в других странах, внесла важный вклад в военные усилия Америки...

¹⁴ *Буш Ванневар* (1890–1974) – ученый-математик, инженер, преподаватель, организатор науки. Накануне Второй мировой войны являлся директором Института Карнеги. В 1940 г. председатель Национального комитета оборонных исследований. 15 июня 1940 г. вместе с Дж. Конантом возглавил координацию всей научной деятельностью, связанной с созданием атомной бомбы. Автор мемуаров (*Bush V. Pieces of the Action*. New York, 1970).

¹⁵ Гарвардского университета.

¹⁶ *Конант Джеймс* (1893–1978) – ученый-химик. С 1933 по 1953 гг. – президент Гарвардского университета, один из научных руководителей "Манхэттенского проекта". Автор мемуаров (*Conant J.V. My Several Lives*. New York, 1970).

¹⁷ *Линдберг Чарлз* (1902–1974) – американский летчик, впервые в истории авиации в 1927 г. перелетевший на одноместном самолете Атлантический океан. Германофил и почитатель вермахта, являлся своего рода идейным лидером пронацистски настроенных групп в США. Франклин Рузвельт в 1941 г. назвал его предателем.

...Гарри Гопкинс обсудил предложения Национального комитета оборонных исследований¹⁸ с президентом и поставил его на практические рельсы. Он организовал встречу д-ра Буша с президентом. Их исторический разговор длился 15 минут. Д-р Буш представил короткий меморандум, содержащий план действий из 4 параграфов. Рузвельт ознакомился с ним и поставил на документе свой автограф "О.К. – F.D.R."

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ЧАРЛЗУ Е. БОЛЕНУ¹⁹

13 ноября 1946 г.²⁰

...Я готов дать заверения, что эта книга не будет недружественной по отношению к Советскому Союзу, поскольку Гарри Гопкинс сам никогда не был его недругом.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД: ЗАМЕТКИ В СВЯЗИ С ВЫСТУПЛЕНИЯМИ
АРЧИБАЛЬДА МАКЛИША (1947)

...Из откровенных высказываний Арчибальда Маклиша можно сделать следующие важные выводы. До настоящего времени самой широко читаемой и влиятельной антивоенной книгой был роман "На Западном фронте без перемен", автором которой был немец. И посмотрите сегодня на немцев... Наше поколение было обмануто лживыми идолами, и такие писатели, как Ремарк, Дос Пассос и Хемингуэй, пытались развенчать их в глазах нового поколения. Была ли от этого польза? Никакой. Им пришлось признать очевидный факт появления новой и еще более зловредной породы лживых идолов. Тогда они отрекаются от права на борьбу с проблемами, которые их волнуют, будь то на поле битвы или в сфере творчества. Такое впечатление, что все их внутренние побуждения воплотились в историческом эскапизме, в страстном желании уйти в себя.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С БЕРНАРДОМ БАРУХОМ²¹

27–31 января 1947 г.

...Весной 1938 г. Рузвельт просил Баруха поехать в Европу с тем, чтобы оценить сложившуюся там обстановку. Президент был очевидно не доволен качеством информации, которую он получал по другим каналам. Он просил Баруха оценить силы союзников на случай, если Германия начнет войну. В Лондоне и Париже Баруху не удалось найти поддержки у Джозефа Кеннеди и Уильяма Буллита²² (Барух намеренно не взял с

¹⁸ Национальный комитет оборонных исследований – правительственное учреждение, сформированное в мае 1940 г. с целью стимулировать развитие новейших технологий в военной сфере.

¹⁹ *Болен Чарлз* (1904–1974) – видный американский дипломат, личный переводчик Рузвельта на Тегеранской и Ялтинской конференциях, участник конференций в Потсдаме, Думбартон-Оксе и Сан-Франциско. Работал в посольствах СССР, Японии, Франции, Чехословакии. С 1935 г. – помощник заместителя госсекретаря США, советник государственного департамента. В 1953–1957 гг. – посол США в СССР, в 1962–1968 гг. – посол США во Франции. Автор книги воспоминаний (*Bohlen Ch.E. Witness to History, 1929–1969. New York, 1973*).

²⁰ Шервуд обращался к Болену с просьбой содействовать организации встречи со Сталиным и Молотовым в связи с работой над книгой "Рузвельт и Гопкинс" или передать им вопросы.

²¹ *Барух Бернард* (1870–1965) – видный финансист, филантроп и общественный деятель США, поддерживал внутреннюю и внешнюю политику Рузвельта. В годы Первой мировой войны по предложению президента В. Вильсона возглавил Управление военным производством. В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, выступал за усиление военной мощи США. Член Комиссии по атомной энергии ООН. Автор "плана Баруха" (1946 г.), ставившего исследования и производство в области атомной энергии под контроль США. Автор воспоминаний (*Baruch B. My Own Story. New York, 1957*).

²² *Буллит Уильям* (1891–1967) – американский дипломат и политический деятель. Первый американский посол в СССР (1933–1936). В 1936–1940 гг. – посол США во Франции. В период предвоенного кризиса занял резко враждебную позицию по отношению к СССР, выступал за политику "умиротворения" Германии (см. *Farnsworth B. William S. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington – London, 1967*).

собой каких-либо писем с формальными обращениями президента к послам). На практике он даже столкнулся с чинимыми ему значительными затруднениями в добывании информации. Тем не менее он увидел и услышал вполне достаточно, чтобы ощутить сильнейшее беспокойство... Барух рассказал мне, что в его предвоенных отношениях с военным и военно-морским министерствами он обнаружил общее недопонимание серьезности ситуации и медлительность в реагировании на проблемы, которые подстерегали впереди. Здесь снова проявлялся страх перед политическими последствиями...

Назначение Джорджа Маршалла в качестве начальника Объединенного комитета начальников штабов являлось очень показательным. Барух наконец-то в его лице встретил военного деятеля, который знал, что следует делать. Барух вспоминает, что в начале 1940 г. он и Маршалл настаивали на важности налаживания срочного производства большого числа бомбардировщиков Б-29. Но неразумным считалось даже намекать на возможность производства такого оружия, ибо это, как считали, будет означать, что мы вышли за пределы необходимой обороны и планируем вести агрессивную войну.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ГЕНЕРАЛУ ГЕНРИ Г. АРНОЛЬДУ²³

3 февраля 1947 г.

...Различные версии о принятии этого решения (назначение Д. Эйзенхауэра командующим союзными войсками в Европе. – *В.М.*) не являются взаимно исключающими. Они попросту доказывают, что никто в действительности не знал, какие мысли скрывает у себя в голове Рузвельт²⁴.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ЛОУРЕНСУ А. ШТЕЙНГАРДТУ²⁵

4 февраля 1947 г.

...Это, бесспорно, был один из самых важных периодов в мировой истории, и он привел к самым ответственным решениям, которые когда-либо президент счел необходимым принять. Визит Гарри [Гопкинса. – *В.М.*] в Москву, сообщения, полученные от Вас и в известной мере противоречившие им донесения Итона²⁶, – все это произвело огромное впечатление на президента Рузвельта и стало краеугольным фактором в формировании той политики, которая привела к победе.

---

²³ Арнольд Генри Г. ("Хэп") (1886–1950) – генерал, в годы Второй мировой войны командующий ВВС американской армии.

²⁴ Приняв в 1942 г. на себя обязательство открыть второй фронт в Европе, Рузвельт и Черчилль долгое время не называли согласованное между собой имя командующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе. На Тегеранской конференции Сталин настоял на том, чтобы такой ответственный за операцию "Оверлорд" военачальник был, наконец, назначен. В конечном итоге выбор Рузвельта пал на генерала Дуайта Эйзенхауэра, командовавшего войсками союзников в Северной Африке (см. *Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993, с. 94, 95*). У многих генералов и старших офицеров это решение вызвало неоднозначную реакцию, недоумение и даже протест. Некоторые полагали, что командующим высадкой в Нормандии мог стать кто-то другой, располагающий большим опытом фронтовых операций. К их числу принадлежал и "пятизвездный" генерал авиации, командующий ВВС США Генри ("Хэп") Арнольд.

²⁵ Штейнгардт Лоуренс (1892–1950) – по образованию юрист, с 1933 г. на дипломатической службе. Посол США в СССР в 1939–1941 гг. Принимал участие в переговорах, которые вел со Сталиным и Молотовым во время своего важного визита в Москву Гарри Гопкинса (июль 1941 г.). В дальнейшем занимал весьма негативную позицию по вопросу об углублении военного сотрудничества США и СССР. С 1942 г. по 1944 г. посол США в Анкаре (Турция). После войны занимал пост посла США в Чехословакии.

²⁶ Итон Иван – военный атташе США в СССР в 1941 г. Отрицательно относился к военному и дипломатическому сотрудничеству США и СССР. После войны уже в ранге генерал-майора служил в разведывательных органах США.

5 февраля 1947 г.

...Возможно, Вы читали книгу генерала Дина²⁸. Он высоко оценивает деятельность Гарри Гопкинса и генерала Бёрнса²⁹, но считает, что они перешли определенную грань в деле оказания помощи России, в особенности после того как в войне наметился поворот в результате Сталинграда (суть этой мысли звучит примерно так: было абсолютно правильным относиться к России как к союзнику до тех пор, пока она терпела поражение в войне, но ситуация для нас стала очень серьезной, когда русские начали контрнаступление).

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД: ИНТЕРВЬЮ С ГЕНЕРАЛОМ
ДЖОРДЖЕМ К. МАРШАЛЛОМ³⁰

23 июля 1947 г.

...Я никогда не забуду его³¹ в дни работы Ялтинской конференции, неустанно, день и ночь трудившегося над решением всех вставших проблем, оставаясь прикованным болезнью к постели.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ГРЕЙС ТАЛЛИ³²

17 сентября 1947 г.

...В течение полутора лет я разыскивал следы (свидетельства) существования шифротелеграмм, отсылавшихся друг другу президентом Рузвельтом и Гарри Гопкинсом в июле 1941 г., в которых был решен вопрос о визите Гопкинса в Москву. Джон Вайнант³³ помнит о них, но в бумагах Гарри, в архивах Государственного департамента и

²⁷ *Феймонвилл Филипп Р.* – известный военный деятель США. Входил в состав военного контингента США в "сибирской экспедиции" в 1918–1920 гг. Служил военным атташе США в Японии и Германии. Преподавал в военных учебных заведениях. Хорошее знание иностранных языков, включая русский, явилось основанием для направления Феймонвилла военным атташе США в СССР в 1933 г. На этом посту Феймонвилл оставался до 1938 г., зарекомендовав себя сторонником прочных военно-политических отношений между США и СССР. После нападения Германии на Советский Союз по настоянию Г. Гопкинса был направлен в Москву в чине генерал-майора для координации поставок помощи по программе ленд-лиза. Отозван в 1943 г. с занимаемых постов по настоянию генерала Дж. Маршалла и разведорганов США, не одобрявших тесные контакты Феймонвилла с советскими военными кругами (о Ф. Феймонвилле см. *Мальков В.Л.* Секретные донесения военного атташе США в Москве, 1937–1938 годы. – Новая и новейшая история, 1982, № 4).

²⁸ *Дин Джон* (1896–1982) – генерал. В 1943–1945 гг. – глава американской военной миссии США в СССР. Противник продолжения сотрудничества с СССР после войны. Автор книги воспоминаний (*Deane J.R.* The Strange Alliance: The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947).

²⁹ *Бёрнс Джеймс* – генерал-майор. В годы войны ближайший помощник Гарри Гопкинса по организации помощи союзникам по программе ленд-лиза. Отвечал за "русское направление" этой программы, автор ряда аналитических записок, в которых настаивал на необходимости послевоенного сотрудничества США и СССР.

³⁰ *Маршалл Джордж* (1880–1959) – видный военачальник и государственный деятель США. В 1939 г. назначен президентом Рузвельтом начальником Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США. Участник многих важных встреч и совещаний на высшем уровне. В ноябре 1945 г. назначен личным представителем президента США в Китае. В 1947–1949 гг. – государственный секретарь США. 5 июня 1947 г. выступил в Гарвардском университете с изложением плана экономического восстановления Европы ("план Маршалла").

³¹ Г. Гопкинса.

³² *Талли Грейс* – личный секретарь Ф. Рузвельта, проработавшая с ним много лет. Автор книги воспоминаний (*Tully G. F.D.R.* My Boss. New York, 1949).

³³ *Вайнант Джон* (1886–1947) – государственный деятель и дипломат, участник Первой мировой войны. До Второй мировой войны дважды избирался губернатором штата Нью-Гемпшир, а в 1941 г. сменил на посту посла США в Великобритании Джозефа Кеннеди. В течение всей войны находился на этом посту. В послевоенные годы работал на различных должностях в ООН, представляя США.

министерства военно-морского флота, а также в архиве посольства США в Лондоне я не обнаружил копий этих документов. В конце концов я случайно узнал, что эти шифрограммы фигурировали во время расследования в Конгрессе событий в Пёрл-Харборе. На шифрограмме, посланной Гопкинсом президенту, есть рукописная пометка: "Коробка, Гопкинс" и "Документы секретного хранения".

Вы знаете, что я никогда не просил разрешения в связи с работой над книгой просмотреть бумаги президента Рузвельта. Я боялся, что если погружусь в них, то не смогу оторваться от этих документов до конца моей жизни. Однако возможность того, что существует одна коробка или подборка, содержащая исключительно корреспонденцию Гопкинса, заставляет меня предполагать, что мне следует обратиться за разрешением работать над бумагами Рузвельта только для того, чтобы убедиться, что в них нет ничего, что противоречило бы материалам архива Гопкинса.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ГРЕЙС ТАЛЛИ

4 декабря 1947 г.³⁴

...25 августа 1939 г., когда Гарри находился в "Клинике Мэйо"³⁵, Рузвельт отправил ему очень характерное по духу теплое поздравление с днем рождения, в постскриптуме которого говорится: "Я рассчитываю на Вашу помощь в оказании гостеприимства семейству Мёрреев, которые вернутся этой осенью, если не будет войны. Однако не будем уповать на войну!" Интересно то, что это было написано всего за шесть дней до начала Второй мировой войны. Но я абсолютно не представляю себе, кто были или кто есть на самом деле эти Мёрреи. Что Вы знаете о них? Конечно, совершенно ясно, что президент не жаждал увидеть их еще раз. Вот почему я думаю, что мне следует проявить осторожность в вопросе об использовании этого письма.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – УИЛЬЯМУ ЛЭНГЕРУ³⁶

2 апреля 1948 г.

...Я вкладываю нечто особое в понятие слабости рузвельтовской администрации в этот период³⁷ и неадекватность ее действий перед лицом мирового кризиса. Я думаю, что очень важно передать принятые ею решения, как с позитивной, так и с негативной сторон, которые были воплощены в них. Изоляционизм обладал очень значительным влиянием внутри рузвельтовской "официальной семьи" и был представлен целым спектром имен от экстремистского типа вроде Джо Кеннеди³⁸ до либеральных пацифистов среди нью-диллеров вроде Г. Уоллеса³⁹ и многих других. Г. Моргентау⁴⁰ являлся почти

---

³⁴ Разбирая бумаги Гопкинса, Шервуд обнаружил короткое письмо Рузвельта, отосланное 25 августа 1939 г. больному Гопкинсу, находившемуся на лечении в "Клинике Мэйо" (штат Монтана). Шервуд обратил особое внимание на датировку этого короткого послания (25 августа 1939 г.) так же как и на слова президента о грядущих и очень скорых переменах во всей обстановке в мире.

³⁵ Гопкинс страдал сложным заболеванием желудочно-кишечного тракта и часто вынужден был находиться на больничной койке.

³⁶ *Лэнгер Уильям* – видный американский историк, автор многих работ по внешней политике США накануне Второй мировой войны. В годы войны Лэнгер был одним из руководителей Управления стратегических служб (УСС).

³⁷ Речь идет о предвоенном кризисе.

³⁸ *Кеннеди Джозеф* (1888–1969) – видный американский предприниматель и финансист, отец президента Джона Ф. Кеннеди. В 1937–1940 гг. – посол США в Великобритании. Выступал против курса Рузвельта на подготовку к вступлению в войну против блока агрессоров.

³⁹ *Уоллес Генри* (1888–1965) – журналист, политический и государственный деятель. В 1933–1940 гг. министр сельского хозяйства в администрации Рузвельта. В 1941–1945 гг. – вице-президент США. После смерти Рузвельта находился в оппозиции курсу Г. Трумэна.

⁴⁰ *Моргентау Генри* (1891–1961) – министр финансов США в 1934–1945 годах. Автор известного "плана Моргентау" о расчленении Германии после ее капитуляции.

единственным проponentом любых решительных действий. Такими были обстоятельства, которые сделали назначение Стимсона⁴¹ и Нокса⁴² столь исключительно важным. В этом проявилась ирония истории, заставившая Рузвельта обратить внимание на республиканцев с тем, чтобы привлечь в правительство стойких сторонников его собственной администрации и той политики, которой он сам хотел бы следовать.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ФЕЛИКСУ ФРАНКФУРТЕРУ⁴³

11 июня 1948 г.⁴⁴

...Я должен сказать, что послал рукопись своей книги для уточнения фактической стороны дела на рассмотрение в Исторический отдел Объединенного комитета начальников штабов, я также отослал всю рукопись (журнал "Кольерс" сделал то же самое с корректурой рукописи)⁴⁵ в военное министерство с тем, чтобы была проведена экспертиза с точки зрения военной безопасности.

ЧАРЛЗ Э. БОЛЕН – РОБЕРТУ Э. ШЕРВУДУ

8 июля 1948 г.

Лично и конфиденциально

Дорогой Боб!

Я получил Ваше письмо от 28 июня с вложенной в него рукописью главы о Ялте. Я признателен Вам за любезное предложение познакомиться с ней и высказаться откровенно, что я думаю о сути изложенного.

Прежде всего хочу сказать, что Ваша оценка событий, связанных с визитом Черчилля в Москву в октябре 1944 г., по большому счету правильна. Строго говоря, дело обстояло следующим образом. Гарри⁴⁶ пригласил меня в Белый дом утром 3 октября и показал послание Черчилля президенту, где говорилось о его намерении посетить Москву и желаний говорить от имени их обоих. Он показал также мне оригинал ответа Черчиллю, подготовленный в Белом доме (не Гарри) с пожеланием ему "удачи" и тем самым как бы с одобрением инициативы Черчилля говорить от имени своей и нашей страны. Гарри спросил меня, что я думаю на этот счет, и меморандум на который Вы ссылаетесь⁴⁷, как раз и отражает мои самые большие опасения в отношении одобрения намерений Черчилля говорить со Сталиным от имени Соединенных Штатов. В результате, как Вы правильно отмечаете, первый вариант послания был задержан и не отослан, а вместо него Сталину и Черчиллю были отправлены телеграммы, уведомлявшие их о заинтересованности США во всем, что касается вопросов глобальной войны и что никто другой, кроме президента, не может говорить от имени нашей страны. В них содержа-

---

⁴¹ *Стимсон Генри* (1867–1950) – видный государственный деятель и дипломат, член республиканской партии, с начала XX в. занимал посты государственного секретаря и военного министра США. В 1940 г. Рузвельт пригласил Стимсона возглавить военное ведомство.

⁴² *Нокс Фрэнк* – видный деятель антиизоляционистского крыла республиканской партии, в 1940–1944 гг. министр военно-морского флота США.

⁴³ *Франкфуртер Феликс* (1882–1965) – видный юрист и общественный деятель США. На протяжении многих лет находился в тесных дружественных отношениях с Франклином Рузвельтом. Фактически являлся его советником по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Один из самых последовательных сторонников "нового курса" и политики активного противодействия германскому фашизму. В 1939 г. Франкфуртер был назначен Рузвельтом членом Верховного суда США. На этом посту он оставался вплоть до 1962 г.

⁴⁴ Узнав о протестах Черчилля в отношении "разглашенных" сведений, Шервуд делает приводимое выше пояснение относительно публикуемых им документов из военных архивов Рузвельта и Гопкинса.

⁴⁵ Журнал "Кольерс" опубликовал ряд фрагментов из подготовленной Шервудом рукописи книги "Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца".

⁴⁶ Гопкинс.

⁴⁷ См. *Sherwood R.E. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History*, v. 2. New York, 1950, p. 471.

лось пожелание разрешить Гарриману⁴⁸ присутствовать при встречах в качестве наблюдателя и только как наблюдателя от Соединенных Штатов.

Что касается части рукописи, где идет речь о Ялте, то в ней содержатся только два пункта, по которым изложенный в ней материал расходится с известными мне фактами. Это прежде всего вопрос о вето и приеме Белоруссии и Украины, который рассматривается в главе вместе, как один и тот же вопрос. Очевидно, что это не так. Вопрос о вето в основном правильно изложен в рукописи, что же касается приема в ООН Белоруссии и Украины, то это совершенно отдельная проблема. На самом деле президент много раз (нам знакомо, начиная с конференции в Думбартон-Оксе желание Советского Союза добиться приема двух входящих в него республик в качестве самостоятельных членов организации) заявлял очень определенно и категорично еще до Ялты о его решимости не позволить этим республикам быть принятыми в качестве независимых государств – членов. Он очень энергично заявил о своей позиции и, насколько я помню, выражал свое мнение не только перед кабинетом, но и лидерам Конгресса и даже зашел весьма далеко, заявив, что в случае, если это дойдет до Ялты, он тогда предложит, чтобы всем 48 американским штатам было предоставлено право независимого членства. Когда этот вопрос был затронут в Ялте, президент высказал свои возражения, однако Черчилль, как это Вы могли видеть из книги Бирнса, сделал довольно энергичные заявления в пользу этих двух республик. Вслед за тем, на заседании министров иностранных дел Иден от имени Великобритании присоединился к документу, который стал затем окончательной резолюцией о принятии Белоруссии и Украины в члены ООН, причем Стеттиниус предпочел не высказывать мнения по этому поводу, и, напротив, Рузвельт в конце концов позволил принять ее без возражений. Я мог бы привести немало новых деталей по этому поводу, но то, что уже высказано выше, дает представление о главном. Проблема Индии стала главной причиной того, что Англия не захотела помочь президенту в его попытке воспрепятствовать приему в ООН двух названных республик.

В связи с Ялтинским соглашением по Дальнему Востоку Вы, как я вижу, не касались того, что я понимаю как главный фактор, а именно желания наших военных властей обеспечить вступление России в войну до вторжения на главные острова Японии, о чем уже было принято решение, и которое планировалось на осень 1945 г. Мне ничего не известно об отношении президента к проблеме законности русских претензий, поскольку таковая никогда не обсуждалась в государственном департаменте, и я впервые услышал о ней, когда переводил переговоры, на которые Вы ссылаетесь в своей книге. Я полагаю, не может быть двух мнений в отношении того, что это соглашение стало результатом дипломатической уступки, которую пришлось сделать в обмен на военные усилия русских, которые тогда рассматривались как очень важные для сохранения жизни американцев в войне с Японией. Конечно, это нельзя рассматривать только позитивно с точки зрения нашей внешней политики, поскольку мы пошли на это соглашение в отсутствие Китая на переговорах по вопросам, которые затрагивали его жизненные интересы. Я считаю, что невозможно о чем-либо другом думать, как только о том, что президент решился на этот шаг исключительно из-за необходимости втянуть Россию в войну⁴⁹ до того, как мы предпримем попытку высадиться на земле собственно Японии.

Все, что сказано выше после беглого знакомства с рукописью, является основным замечанием касательно достоверности приводимых фактов и их интерпретации. Но есть еще одна сторона вопроса, которую я считаю более важной и к которой отношусь очень серьезно. Я, строго говоря, ставлю под вопрос право и правильность цитирования в книге записи бесед на встречах и обедах, на которых Гарри не присутствовал и кото-

---

⁴⁸ Гарриман в то время в качестве посла США находился в Москве.

⁴⁹ С Японией.

рые никоим образом не могут быть отнесены к бумагам Гопкинса. Эти записи и в особенности записи бесед между президентом и Сталиным по вопросам Дальнего Востока, а также бесед за обеденным столом были сделаны мною собственноручно и никем другим в качестве правительственного служащего. Я же не сохранил в своем личном архиве копий этих стенографических заметок. Они, я полагаю, являются неотъемлемой частью архивов правительства США, и не думаю, что они могли бы быть опубликованы просто потому, что они случайно были обнаружены в бумагах, которые Гарри Гопкинс взял в Белом доме. Во время моей последней беседы с Гарри летом 1945 г., как я отчетливо помню, он сказал, что не собирается публиковать какие-либо официальные документы без разрешения президента. Я поэтому просил бы Вас продумать вопрос о допустимости публикации этих правительственных документов без официального разрешения президента. Скажу также Вам, что я лично полагаю: публикация в настоящее время записей неформальных бесед за обеденным столом, а некоторые из участников этих бесед еще живы, была бы крайне нежелательна. Они, эти записи, содержат случайные замечания, которые президент сделал в адрес м-ра Черчилля, а также высказывания в адрес находящейся сейчас у власти в Англии лейбористской партии Великобритании, которыми обменялись между собой Черчилль и Сталин в разговоре после обеда. Не будучи юристом, я не могу судить о всех правовых аспектах этого дела, но полагаю, что использование правительственной собственности (речь идет о записях бесед и переговорах, на которых Гарри не присутствовал и о которых он не оставил личных заметок или воспоминаний) может вызвать претензии с точки зрения их правовой обоснованности. Я пишу об этом из самых лучших побуждений и не таясь, поскольку Вы прислали мне рукопись для комментариев и замечаний. Как свидетельствует Ваше письмо Бобу Ловетту, Вы в курсе того, что британское правительство собирается заявить официальный протест относительно публикации бумаг Гопкинса. Мы уже получили такой официальный протест.

Искренне Ваш

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ЧАРЛЗУ Э. БОЛЕНУ

13 июля 1948 г.

Лично

Дорогой Чип!

Это очень спешный ответ на Ваше письмо от 8 июля, за которое я Вам премного благодарен. То, что Вы высказали в отношении посланий начала октября 1944 г. только подтверждает мнение Гарри об этом деле, но я в книге не стал цитировать то, что он собственноручно написал по этому поводу. Причиной тому некоторые горькие замечания о ныне здравствующем лице [речь, скорее всего, идет о Черчилле. – В.М.], на котором можно было, кажется, выместить злость. (Гарри подозревал его в некоторой нелояльности, которую, однако, ни одно из его последующих высказываний или действий не могло бы доказать). Что касается части о Ялте, я и в самом деле очень рад, что попросил Вашего совета, и я чрезвычайно благодарен Вам за возможность воспользоваться им. Я сам не предполагал, что из смысла моих формулировок вытекает то, что вето и дополнительные места в ООН для Белоруссии и Украины оказались слитыми воедино, но это, разумеется, может быть исправлено. Дальневосточный вопрос никогда не будет до конца прояснен, но нет сомнения, что президент Рузвельт был готов пройти долгий путь к этим соглашениям еще до Ялты и даже до Тегерана. Я не знаю, как далеко он мог пойти по этому "длинному пути" и где начинались "уступки", диктуемые военной необходимостью, но мне лучше и не пытаться найти эту линию.

У меня есть все основания согласиться с Вами по последнему вопросу, который Вы подняли в Вашем письме. Он имеет огромную важность и способен повлиять не только на главу о Ялте, но и почти на всю книгу, которую я написал, а также на другие книги. То, что сказано Вами, невозможно опровергнуть, – а именно то, что ялтинские записи

были сделаны Вами "собственноручно и никем иным" в качестве "правительственного служащего". То же можно сказать о заметках Бирнса, сделанных на тех же заседаниях. И о заметках Гарри о содержании этих бесед можно сказать то же самое. М-р Черчилль недавно заявил мне свой протест в связи с использованием мною одного из меморандумов Гарри, назвав его "односторонней оценкой"; а между тем я уверен, что м-р Черчилль опубликует собственную "одностороннюю оценку" переговоров, включая и те, в которых он оказался единственным еще живым участником. Существует и важный вопрос о правах собственности Гарри на все эти бумаги, включая те, автором которых он был, и я, разумеется, не компетентен его решать, но смею Вас заверить, что я провел обстоятельные консультации с авторитетными юристами, в том числе и самого высокого уровня. Это одновременно является и вопросом о том, могу ли я или не могу использовать материал, оказавшийся в этих бумагах, но который не принадлежит Гарри как автору, и частично относится к заседаниям, на которых он не присутствовал. Самым показательным является пример конференции в Москве в октябре 1941 г., на которой Бивербрук и Гарриман работали совместно с русскими над проектом Первого протокола⁵⁰. Тем не менее я считал, что было бы правильно включить их в состав использованных документов, поскольку все последующее развитие (в особенности в части, прямо касающейся деятельности Гопкинса) напрямую связано в ними. Я не ограничился бумагами Гопкинса: как Вам известно, я взял интервью у огромного числа людей и получил доступ к большому массиву документальных материалов, которые не принадлежали к архиву Гопкинса, с тем чтобы дать достоверную картину событий. Меня подвигли на это самые разные люди из высших эшелонов власти, для которых суть моей работы не была секретом. Я готов признать, что весь труд – свыше 450 000 слов – оказался много длиннее и шире по проблематике (и к тому же еще многотрудным и дорогостоящим), чем я предполагал, когда брался за работу, чтобы отдать долг памяти Гарри Гопкинса. Но на меня постоянно давило сознание необходимости что-либо активно предпринять перед лицом появления в течение этих двух последних лет всё новых книг, в некоторых случаях напичканных дезинформацией или непристойностями или тем и другим одновременно. Может статься, я окажусь объектом самой разнохарактерной критики по причине мною написанного, и у меня могут возникнуть проблемы с официальными властями, но никто не сможет сказать, что я выполнил эту работу нечестно.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ГРЕЙС ТАЛЛИ

3 августа 1948 г.

...На днях я получил письмо с замечательным благодарственным комментарием от одного англичанина, связанного с издательством, которое готовит к печати мою книгу. Он пишет: "В прошлом месяце я впервые посетил Америку и был чрезвычайно расстроен, потому что встретил очень многих людей, представляющих имущие классы, которые втолковывали мне, каким мошенником был Ф.Д. Рузвельт. В итоге я было начал искренне верить, что у себя в Англии мы переоценили покойного президента. Затем, когда я вернулся домой и прочитал Вашу книгу, то осознал, что Рузвельт был более великим человеком, чем мы вообще это могли себе представить". Если то, что я написал, возымело такое влияние на других людей, значит и на самом деле я жил не напрасно; но к счастью есть не так уж много людей, которые нуждаются в том, что им объясняли это. Как принято было говорить в прошлом: "Все против Рузвельта, кроме народа".

---

⁵⁰ Речь идет о первой партии поставок военной помощи Советскому Союзу по закону о ленд-лизе.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – ЭПТОНУ СИНКЛЕРУ⁵¹

4 ноября 1948 г.

Вы совершенно правы, когда говорите, что Рузвельт был обеспокоен фактом неуважительного отношения Сталина к Ялтинским договоренностям и обменом посланиями на повышенных тонах по поводу капитуляции немцев в Италии⁵².

САМНЕР УЭЛЛЕС⁵³ – РОБЕРТУ Э. ШЕРВУДУ

10 ноября 1948 г.

...Как и все, что Вами сделано, книга написана прекрасно, с душевной теплотой, но за что я особенно Вам благодарен, так это за то, что (убежден в этом) в переживаемый нами психологический момент, она нужнее всего. Вы дали возможность американскому народу обрести знание совершенно необходимое, чтобы справедливо судить о том, что связано с памятью о Франклине Рузвельте. На страницах Вашей книги он предстал живым человеком, точно таким, каким я, знавший его со всеми присущими ему необъяснимыми противоречиями, со всеми его человеческими слабостями и в то же самое время во всем своем величии, наделенным даром предвидения и неколебимым мужеством. Сегодня, когда фанатики, сознательные и злобные лжецы, преследующие узкоэгоистические цели, возбудители ненависти настойчиво и прилежно пытаются заставить американский народ поверить, что человек, который сначала спас его от нищеты и, возможно, анархии и который вслед за тем дал ему безопасность благодаря блестящей военной победе, был полной противоположностью тому, что Вы и я знали о нем в реальной жизни. Они соревнуются друг с другом в погребении памяти о нем в яме с нечистотами. Вот почему издание Вашей книги будет способствовать торжеству правды и покажет клеветникам и сплетникам, чего они стоят.

ЭДВАРД Р. СТЕТТИНИУС⁵⁴ – РОБЕРТУ Э. ШЕРВУДУ

16 февраля 1949 г.

...Я уверен, что Вы так же как и я, стремитесь всей душой к тому, чтобы положить конец ужасной и быстро распространяющейся лжи относительно м-ра Рузвельта и того, что случилось в Ялте. Большая часть этой лжи основывается на предрассудках и искаженной информации.

⁵¹ Синклер Эптон (1878–1968) – известный американский писатель. Автор многих произведений. В годы Великой депрессии – лидер широкого демократического движения в штате Калифорния "Покончить с нищетой в Калифорнии", поддержанного интеллигенцией и имевшего успех на губернаторских выборах 1934 г.

⁵² Шервуд имел в виду так называемый "Бернский инцидент". В марте 1945 г. командование германских войск в Северной Италии в лице фельдмаршала Кессельринга и обергруппенфюрера СС Карла Вольфа вошло в контакт с резидентом УСС в Берне Алленом Даллесом с целью заключения соглашения о капитуляции немецких войск в Италии.

⁵³ Уэллес Самнер (1892–1961) в 1933–1943 гг. являлся помощником и первым заместителем государственного секретаря США, фактически был ближайшим сподвижником Рузвельта в проведении внешнеполитического курса. Доверительные отношения между президентом и С. Уэллесом, фактически вторым лицом в государственном департаменте, объяснялись во многом их давним знакомством и дружбой, завязавшимися в годы учебы в Гротоне, привилегированном колледже для наследников состоятельных семей Северо-Запада США. Уэллес сам стал жертвой антирузвельтовской кампании, организаторы которой добились в 1943 г. его отставки. Автор книги воспоминаний (*Welles S. The Time for Decision. New York, 1944*).

⁵⁴ Стеттиниус Эдвард (1890–1949) Весной 1945 г. сменил на посту государственного секретаря США Корделла Хелла. До этого завоевал репутацию успешного координатора программы ленд-лиза. Работал в тесном взаимодействии с Г. Гопкинсом. Участник конференций в Думбартон-Оксе (1944 г.), Ялте и Сан-Франциско (1945). Автор книги воспоминаний о Ялтинской конференции (*Stettinius-jr E.R. Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. Garden City, New York, 1949*).

28 февраля 1949 г.

...Согласно моим данным, президент⁵⁵ находился в Гайд Парке 29 марта, в тот самый день, когда в газете "Нью-Йорк геральд трибюн" была опубликована информация о дополнительных голосах⁵⁶. Сразу после этого он вернулся в Вашингтон, чтобы провести там один день, а затем отправился в свое последнее путешествие в Уорм-Спрингс⁵⁷. Так случилось, что я был в Белом доме, когда эта история⁵⁸ стала достоянием гласности, и я хорошо помню удивление, замешательство и опасения, которые царили вокруг Вас. Я полностью с Вами согласен в отношении того, что Вам должно было быть позволено сделать об этом заявление неделей другой раньше во время Вашего визита в Мехико-Сити... Я также не слишком уверен в достоверности того, что будет сказано м-ром Черчиллем о всем этом деле. Я слышал, как он не раз говорил о ФДР как "об умирающем человеке" в Ялте, и вполне допустимо предположить, что этим самым Черчилль выражал предположение, что президент сделал "уступки" Сталину⁵⁹, которые он сам не одобрял. Возможно, эти мои рассуждения совершенно несправедливы и поэтому я делюсь ими с Вами в сугубо личном порядке. Болен в письме⁶⁰ ко мне специально указал на то, что Черчилль без промедления согласился поддержать требование русских о предоставлении двух дополнительных голосов⁶¹ с тем, чтобы подтолкнуть Рузвельта к положительному решению этого вопроса.

ГАРРИ ТРУМЭН⁶² – РОБЕРТУ Э. ШЕРВУДУ

12 декабря 1950 г.

...Внешняя политика, проводимая моей администрацией, является продолжением той, которая была у страны с 1939 г. Конечно, мы не могли предполагать, что Россия начнет проводить курс, который она проводит после окончания войны. Я полагаю, что все мы

⁵⁵ Рузвельт.

⁵⁶ Речь идет о решении Ялтинской конференции предоставить право самостоятельного голоса Украине и Белоруссии в ООН. Согласие на это было получено Сталиным после напряженной дискуссии с союзниками (см. *Clemens D.Sh. Yalta. New York, 1970, p. 226–240*). Черчилль с самого начала поддержал демарш Сталина. Газета "Нью-Йорк геральд трибюн" 29 марта 1945 г. опубликовала в качестве сенсации сообщение об еще официально не обнародованном решении "Большой тройки" в Ялте предоставить в ООН дополнительные места для Украины и Белоруссии. Белый дом и госдепартамент были захвачены врасплох. Шервуд полагал, что информация о местах в ООН должна была поступить заблаговременно.

⁵⁷ После недолгого отдыха в Гайд Парке (штат Нью-Йорк) и короткого пребывания в столице США президент Рузвельт в конце марта 1945 г. направился для продолжения отдыха и подготовки к конференции в Сан-Франциско в свою резиденцию в Уорм-Спрингс (штат Джорджия). 12 апреля он скончался здесь от кровоизлияния в мозг.

⁵⁸ О решении в Ялте о предоставлении мест в ООН для Украины и Белоруссии.

⁵⁹ По вопросу о местах для Украины и Белоруссии в ООН.

⁶⁰ Речь идет о содержании письма Ч. Болен Шервуду от 8 июля 1948 г., в котором первый излагал свою версию об отношении Черчилля и Рузвельта к предложению Сталина (Ch.E. Bohlen to Robert E. Sherwood, July 8, 1948. NA. RG 59, Records of Ch.E. Bohlen, 1952–1952. General Correspondence. Box 1a).

⁶¹ Для Украины и Белоруссии.

⁶² Р. Шервуд не был близко знаком с Трумэном, вице-президентом США в 1944–1945 гг., а затем после смерти Рузвельта и президентом США (1945–1952 гг.). Трумэн не входил в число лиц, с которыми Шервуд приходилось близко общаться в годы Великой депрессии и в годы войны. Отклонение от намеченного курса в советско-американских отношениях сразу после смерти Рузвельта было столь очевидным, что вызвало раскол в руководстве демократов. Новый президент поменял многих советников из числа нью-диллеров и нередко подвергался жесткой критике за отход от рузвельтовского курса. Поэтому в момент острого напряжения в стране, связанного с Корейской войной и окрашенными в антирузвельтовские тона выборами в Конгресс осенью 1950 г., Трумэн счел необходимым уведомить своих сторонников и противников, что он не отрекается от рузвельтовской пути (см. *Miller M. Plain Speaking. An Oral Biography of Harry S. Truman. New York, 2004, p. 286–287*).

испытывали по отношению к России самые добрые чувства как к нашему союзнику, и я знал, направляясь в Потсдам, что готов оказать ей помощь в деле восстановления... Но печальный опыт, кажется, свидетельствует, что договоры не пользуются у русских тем же священным трепетом, с которым относимся к ним мы.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – АРТУРУ М. ШЛЕЗИНГЕРУ-МЛАДШЕМУ⁶³

14 апреля 1952 г.

...Я видел множество материалов допросов, проведенных в годы войны сначала в Италии, затем во Франции, и я не припомню, чтобы когда-нибудь слышал о военнопленном, который бы выражал озабоченность в отношении формулы безоговорочной капитуляции. Я полагаю, что Вы могли бы также упомянуть Японию в связи с этим же обстоятельством. Безоговорочная капитуляция прямо касалась японцев, наиболее фанатично настроенных и готовых сражаться до последнего солдата вояк, и она ничуть не помешала им сдаваться до того еще, как нога хотя бы одного-единственного солдата союзных сил ступила на территорию собственно японских островов, если не считать союзных пленных, попавших в руки японцев.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД – АРТУРУ М. ШЛЕЗИНГЕРУ-МЛ.

14 апреля 1952 г.

...Мне кажется, следует сказать о самом главном: на странице 643 книги Честера Уилмота "Борьба за Европу" есть сноска, в которой ее автор заявляет, что "не существует детальной официальной записи переговоров на Ялтинской конференции"⁶⁴. Далее он сообщает, что опирался на заметки, сделанные Э. Стеттиниусом, Дж. Бирнсом, адмиралом У. Леги и Г. Гопкинсом. (Он утверждает, что Гопкинс делал подробные заметки, которые "затем Р. Шервуд отредактировал", хотя на странице 853 моей книги "Рузвельт и Гопкинс" я констатировал, что "Гопкинс был слишком болен для того, чтобы вести сколько-нибудь развернутые записи бесед в Ялте, как это он делал на других конференциях". К этому я добавил, что Гопкинс по причине серьезной болезни не мог участвовать в некоторых встречах). Но, разумеется, существуют официальные записи переговоров на Ялтинской конференции, всех встреч "Большой тройки", пленарных заседаний, частных бесед, заседаний министров иностранных дел и начальников штабов, а также бесед за обеденным столом. Я прочитал все эти материалы до единого слова и каждый раз снова и снова ссылаюсь на них в моей главе о Ялте и даже привожу отрывки из этих материалов...

Что касается Уилмота, то он хотя и располагал большей частью этих материалов, тем не менее он использовал самый минимум и только то, что может быть использовано как довод в поддержку его тезиса⁶⁵, о чем было сказано в Вашей отличной рецензии в журнале "Репортер". На странице 632 главы, названной "Величайшая победа Сталина" он говорит об этом, рассматривая подготовку к Ялтинской конференции. "Английская делегация, – пишет он, – была в смятении, когда обнаружила, что ее американские коллеги не испытывали такой же подозрительности в отношении послевоенных намерений русских, которую они испытывали сами. Правильная оценка этого факта – способного удивить, хотя прошло немало лет – очень важно для понимания того, что случилось в Ялте". Уилмот употребил слово "удивить"! Он "доказывает" его правомерность

⁶³ Шлезингер-мл. Артур (1917–2007) – видный американский историк и общественный деятель. См. о нем подробнее: Фурсенко А.А. Памяти Артура М. Шлезингера-младшего. – Новая и новейшая история, 2007, № 4, с. 222–223.

⁶⁴ Шервуд имеет в виду здесь нашумевшую книгу журналиста Ч. Уилмота, давшего крайне отрицательную оценку всей внешней политике Рузвельта в годы Второй мировой войны (*Wilmot Ch. The Struggle for Europe: World War II in Western Europe*. New York, 1952).

⁶⁵ О поражении Запада в Ялте.

несколькими цитатами из Рузвельта, из Хэлла (кто и в самом деле подозревал всех), из Миколайчика (едва ли непредвзятого наблюдателя и, конечно же, слабо информированного человека) и из моей книги. Он обобщил все эти ссылки на странице 639, заявив: "Возможно, лучшим выражением умонастроения Рузвельта может служить меморандум, который Гопкинс составил через шесть месяцев после Ялты". Он затем процитировал несколько отрывков из меморандума, которые Вы найдете на страницах 921 и 925 моей книги "Рузвельт и Гопкинс" и которые все очень дружественны по отношению к русским.

А между тем этот меморандум Гопкинса начинается пылкими словами признания вклада Великобритании, включая следующее утверждение: "Если бы мне пришлось излагать самый ключевой принцип нашей внешней политики, я бы сказал, что суть его в том, что мы пришли к полному согласию в отношении намерения США и Великобритании раз и навсегда смотреть на главные проблемы мировой политики одними и теми же глазами". Уилмот игнорирует это, не считая данную констатацию "выражением идеи Рузвельта". Он также игнорирует данную мысль и в пассаже, в котором Гопкинс говорит о России: "Не подлежит сомнению, что длительные и прочные отношения США и Советского Союза могут быть серьезно испорчены не столько нашими фундаментальными различиями в идеологии в силу различия между капиталистической экономикой и социалистическим государством, а в силу несхожести наших фундаментальных подходов к человеческим свободам – свободе слова, свободе прессы и свободе вероисповедания"... Разумеется, Гопкинса здесь не в чем упрекнуть особенно в Англии, если принимать во внимание данную сторону вопроса⁶⁶.

РОБЕРТ Э. ШЕРВУД: ОТРЫВКИ ИЗ ЛЕКЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЕННО-МОРСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

28 апреля 1954 г.

(О решительности как черте характера Рузвельта – политика)

...Более осторожный человек никогда бы не согласился на выделение двух млрд. долларов из секретного фонда на исследовательские работы, которые и привели к созданию атомной бомбы.

(О формуле безоговорочной капитуляции агрессоров)

...В реальной жизни формула безоговорочной капитуляции обсуждалась Рузвельтом и Объединенным комитетом начальников штабов в Вашингтоне где-то за две недели до открытия конференции в Касабланке, и насколько это мне известно, по этому вопросу не было разногласий. Обсуждения в Палате общин [британского парламента], о которых я упомянул раньше, также показывают, что этот вопрос рассматривался Черчиллем и британским военным кабинетом... И далее – и это самое важное – высказывались осторожные суждения о том, как эта формула повлияет на Кремль. Нужно понять, однако, что она декларировала: США и Англия никогда не пойдут на заключение сепаратного мира.

(О конференции руководителей и военных деятелей США и Англии на о-ве Мальта в январе 1945 г.)

...Где-то в конце января 1945 г. состоялась последняя важная встреча американских и британских начальников штабов. Она была организована на Мальте, по пути в Ялту, и все ее участники, с которыми мне довелось говорить, подтвердили, что она вылилась в жесткую и длительную борьбу, какой не было за всю войну. Речь, разумеется, идет о руководителях штабов. Это выглядело, как чисто военная проблема, но во всем присут-

---

⁶⁶ Шервуд этим хотел сказать, что Гопкинс как стойкий демократ и сторонник гражданских свобод никак не мог не видеть расхождения между авторитарным режимом Сталина и конституционным либерализмом западных демократий.

ствовали безошибочно угадываемые политические мотивы. Монтгомери имел свой план решающего удара по Германии, а Брэдли – свой.

(О решении Ялтинской конференции о совместных действиях на Дальнем Востоке против Японии)

...Во время Ялтинской конференции я находился на Тихом океане, по указанию президента Рузвельта я прибыл в Манилу, которая только что была отбита у японцев, для совещания с генералом Макартуром. Я могу засвидетельствовать, что Макартур был очень доволен результатами Ялтинской конференции. Он сказал, что она означает готовность русских играть фактически ту же роль в войне против Японии, какую они играли в Европе, а также то, что они войдут в столкновение с японцами и тем самым будут сковывать большие силы японской сухопутной группировки в Маньчжурии и Северном Китае точно так же, как они сковывали главную массу германских армий на Восточном фронте. Я понял, что в то время, зимой 1945 г., Макартур считал, что нам придется высаживаться на Японские острова для завершения разгрома и оккупации Японии. Конечно, во время нашей беседы ничего не говорилось об атомной бомбе. Должно было пройти пять месяцев до испытания в Аламогордо, которое только и могло показать осуществимость идеи создания "сверхоружия".